

М. А. Белан

**«За пьянство, отлучки, неплатежи назначаем в военную службу»:
приговоры мещанских общин в конце XVIII — начале XIX в.**

Предмет данного исследования — практики, использовавшиеся мещанскими обществами уездных городов при отдаче в военную службу за пьянство и другие проступки в конце XVIII — начале XIX в. Объектом исследования являются приговоры мещанских обществ трех городов Санкт-Петербургской губернии с конца 1780-х по 1820-е годы. Рассматривается роль обвинений в порочном поведении при назначении рекрутов и ополченцев обществами Новой Ладogi, Гдова, Софии — Царского Села. Особое внимание уделено массовому призыву ополченцев в 1806–1807 и 1812 гг.

Среди источников основное место занимают ранее не изучавшиеся материалы из фондов городских дум, хранящиеся в ЦГИА СПб и РГИА: приговоры обществ, журналы заседаний дум, переписка с гражданским губернатором и Казенной палатой, материалы губернского комитета ополчения. Цель работы — проследить, каким образом в условиях значительного роста потребностей в людских ресурсах в начале XIX в. изменялись традиции назначения мещанской общиной в службу «за пороки». Задачи — проанализировать процедуру назначения за пьянство и иные проступки; определить, как изменялось отношение властей к подобным практикам и как новые законодательные акты влияли на процедуру назначения в мещанских общинах; исследовать, каким образом изменение системы назначений за порочное поведение в начале XIX в. взаимосвязано с изменениями в социальных отношениях и политической культуре мещанской общины.

Новая Ладога, расположенная у входа в Ладожский канал, являлась в рассматриваемое время вторым по величине уездным городом Санкт-Петербургской губернии после столицы. Сам канал стал важнейшим звеном трех водных систем, ведущих из Волги. В 1782 г. в трех кварталах Новой Ладogi состояло свыше 300 деревянных домов (более половины — ветхие), четыре каменные церкви и полковая деревянная¹. Общество мещан с 558 душ мужского пола (далее — д. м. п.) в 1782 г.

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 97 об.–98.

выросло до 814 к 1805 г., а в 1811 г. достигло 945, включая 53 ремесленника и 7 рабочих².

Гдов был небольшим уездным центром в окраинной, юго-западной части губернии. В 1780-е годы в городе насчитывалось около 150 домов в двух кварталах, две каменные и три деревянные церкви³. К 1806 г. в Гдове было зарегистрировано всего 139 д. м. п. мещан⁴; к 1812 г. в общине состояло 207–220 мещан, внесенных в регистры, а с находящимися на утверждении Казенной палатой — до 257. Гдов был городом, тесно связанным с аграрными занятиями: горожане вели торг «мелочным и харчевым товаром», занимались покупками продовольствия в уезде⁵. Ярмарок в Гдове не было. Для сравнения в Новой Ладоге их проводили две в год: местное население активно использовало свое положение у входа в канал, продавая и покупая у «проезжающих на барках» сукна и более дорогие «материи», серебро, кожи, овес, пеньку, свечи, мыло и отправляя в столицу «кожи, бревна, дрова, сено, уголье, известь, рыбу», а также перевозя на принадлежащих им небольших судах грузы и пассажиров по каналу.

Общество города Софии в основном состояло из ремесленников, обслуживающих царскую резиденцию. После 1796 г. София постепенно приходит в упадок. В 1808 г. ее община была переведена в новый город Царское Село, ратуше которого в 1811 г. подчинили посады Павловска и Гатчины. В 1808 г. в Софии числилось 707 д. м. п. мещан (вместе с мещанами Павловска — 768)⁶. Значительная часть семей занималась разного рода поставками, подрядами на строительство и ремонт дворцовых, административных и военных зданий.

Для сравнения с указанными городами автором рассмотрены приговоры мещанских обществ городов и ряда других регионов, в частности, Серпухова, являвшегося в начале XIX в. крупным текстильным центром Московской губернии.

Назначали рекрутов и ратников собрания мещанских обществ. Собрание своим приговором утверждало людей, а также «подставных», отбирало от назначенных или их поручителей подписки о явке приговоренного по первому призыву, разыскивало — через своих «сыщиков» — уклонявшихся. Процесс назначения четко демонстрирует взаимоотношения внутри общины. Столкновения интересов

² ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 230. Л. 106.

³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 88.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 2, 24.

⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 88 об.

⁶ РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060. Л. 35.

и конфликты были неизбежны. Начиная с 1760-х годов крестьянские и городские общины пользовались правом отсылать в службу тех своих членов, которых по тем или иным причинам нельзя было терпеть в обществе. В таких случаях разрешалось не учитывать их семейный статус. Рассмотрим, какую роль играли обвинения в пьянстве и порочном поведении при назначении в военную службу в 1790–1820-х годах. Особенно показательны назначения в ополчения: в 1806–1807 и 1812 гг. обществам пришлось приговорить значительно большее число людей, чем во время рекрутских наборов.

В условиях коллективной ответственности за внесение податей и исполнение повинностей собрания в первую очередь назначали в рекруты наименее востребованных членов общества: людей, обвиненных в пьянстве, неплатеже государственных и городских податей, находившихся в отлучке без паспорта. Очень часто именно обвинение в пьянстве стоит в приговорах на первом месте. Под угрозой находились также одинокие и «малосемейные» мещане. В приговоре могло быть несколько обвинений и часто сложно понять, насколько люди были реально виновны. Кого-то из «порочных» действительно нельзя было терпеть в обществе. Часто это были молодые люди в возрасте от 17 до 27 лет, такие как, например, 18-летний Иван Вавилов из Новой Лядоги. Его мать и сестра неоднократно жаловались, что Иван, вечно являвшийся домой в пьяном виде, избивал их и грозился убить. Однажды лишь прибежавшие на шум солдаты, размещенные на постой у соседей, предотвратили кровопролитие. Ивана по неоднократным жалобам его матери в Новоладожскую думу держали в городской тюрьме и несколько раз назначали в рекруты, но сдали лишь в 1812 г. в ополчение⁷.

Пьянство, неплатеж казенных и градских податей, а также самовольные отлучки — наиболее частые обвинения в делах о рекрутских наборах за 1790–1800-е годы во всех рассматриваемых городах. При этом значительная часть рекрутов каждого набора назначалась именно по обвинениям в разного рода пороках, а не из числа семейных мещан. Наборы до 1805 г. были небольшими и часто практически все назначенные рекруты отправлялись именно как «порочные». Таких мещан приговаривали, разыскивали и направляли в службу в течение всего года. Таким образом, ко времени очередного набора (октябрь–ноябрь) общества почти всегда располагали квитанциями за сданных в счет будущих наборов «порочных» мещан. Эти квитанции

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 428. Л. 9–10 об., 14 об.; Д. 500. Л. 8 об., 12, 190.

и представлялись к зачету. Иногда общества аккумулировали своеобразный резерв квитанций, в частности, после русско-шведской войны 1788–1790 гг., во время которой в армию и флот принудительно забирали мещан за разнообразные проступки. Чаще всего это были представители беднейших слоев общины, которых обнаруживали в Петербурге или других городах без паспортов⁸.

В условиях коллективной ответственности за взнос податей пьяницы, неплательщики, отлучающиеся без документов были действительно меньше всего нужны общине. Но не всегда приговоренные за пьянство и иные проступки были виноваты. На собраниях доминировали руководители общины — богатые, крупные мещанские семьи. Система назначения в службу приговором общины давала им много возможностей избавляться от неугодных, а также наименее значимых, слабых членов общины: одиночек, мужчин из небольших и бедных семейств.

В частности, мещане активно назначали в службу недавно записавшихся в общество. Мотивация таких решений объяснима. Миграция в города до 1820-х годов сдерживалась рядом факторов: платежами двойных податей, необходимостью искать поручителей, а также правом общества (до 1832 г.) отказывать в записи⁹. Но с конца XVIII в. интересы мещанских общин и властей расходятся все больше. Правительство, в значительной степени преследуя фискальные цели, взяло курс на запись к обществам пестрой категории лиц «без определенного звания». Это были «рабочие» выходцы из-за границы (в основном беглые крепостные и дезертиры), цыгане и др. Подобным лицам грозили отдачей в солдаты или высылкой в Сибирь, если они не запишутся в общества. Поэтому почти все они старались приписаться к городским общинам, главным образом к мещанам. С 1787 г. власти также практиковали высылку в уездные города мещан Санкт-Петербурга и Москвы, наказанных за мелкие преступления: их записывали как «рабочих», а с 1799 г. зачисляли в местные мещанские общины¹⁰.

⁸ Белан М. А. Феномен временной военной службы: добровольцы городов Санкт-Петербургской губернии на Русско-шведской войне 1788–1790 гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды : Международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых (11–14 октября 2021 г.) : сборник статей. М., 2021. С. 80–85.

⁹ Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 68–69.

¹⁰ Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 48–49.

В городах к принятию новых элементов часто относились враждебно. Чтобы помочь интеграции «новоприбывших», указом от 7 сентября 1804 г. запрещалось приговаривать в рекруты мещан, состоящих в общине менее трех лет, даже в случае обвинения их в пьянстве и других проступках¹¹. Однако общества не забывали «новые» семьи, прожившие иногда в городе много лет, чему порой способствовали и сами «новоприбывшие». Многие из них пополняли беднейшие, маргинальные слои общины, где были широко распространены пьянство, дебоши, неплатежи, мелкая преступность. В списке из десяти ратников, приговоренных в Гдове в 1812 г., числилось двое мещан Гороховских, «записавшихся из цыган». Вся семья Гороховских срочно покинула город, а посланные за ними люди преследовали их через несколько уездов Санкт-Петербургской и Новгородской губерний¹².

Назначение большого числа рекрутов из городов за пороки имело ряд последствий. Прежде всего следует отметить довольно высокий возраст призывников: материалы дум о рекрутских наборах показывают, что в среднем возраст мещан, поступающих от общин в 1780–1800-е годы, приближался к 30 годам. Нарекания вызывали и моральные качества призывников из городов. Так, генерал-адъютант барон Ф. К. Корф отмечал, что именно от мещанских обществ поступает большое количество мошенников и «плутов». В связи с этим он предлагал делить рекрутов из мещан: людей честного поведения оставлять служить в городе или поблизости, максимально облегчив отрыв от семьи, тогда как «плутов» следовало направлять в полевые части подальше от дома, поскольку если они останутся служить недалеко от родных мест, их преступные наклонности будут угрожать спокойствию местных жителей¹³.

Представители власти знали о многих недостатках системы назначения в службу приговором общины, но долгое время никаких серьезных изменений не предпринималось. Возраст и моральные качества рекрутов не составляли критическую проблему. Кроме того, в городах отдача в службу по обвинениям в пьянстве, неплатежах и иных пороках играло роль полицейской функции и экономило ресурсы на поддержание порядка в городе. В условиях все возрастающего притока мигрантов необходимость в избавлении хотя бы от части маргиналов ощущалась в городах острее, чем в деревне. Для властей же

¹¹ ПСЗ. [Собр. 1]. СПб., 1830. Т. 28. № 21442. С. 504–505.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 344. Л. 4–6; Д. 345. Л. 17.

¹³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 17980. Л. 2.

на первом месте стояла бесперебойная и своевременная поставка рекрутов: до тех пор, пока городские общины выполняли задания по рекрутским наборам, разного рода самоуправство в общинах, нарушения и притеснения при отдаче за пороки не вызывали серьезной озабоченности государства. Однако критический рост потребности в людской силе начиная с 1805 г. сыграл свою роль. Большое значение имел опыт сбора в 1806–1807 гг. первого ополчения, милиции.

От городских обществ Санкт-Петербургской губернии потребовали выставить 1 ратника с каждых 16 душ, в марте 1807 г. соотношение понизили до 1 с 57 душ¹⁴. Во всех городах возникли трудности с поиском и назначением требующегося количества ратников, которых нужно было также экипировать, снабдить оружием, провизией и деньгами — по 1 руб. на три месяца (для ополчения 1812 г. сумма вырастет вдвое). Повсеместно общества приговорили множество мещан в милицию за пороки: местные элиты использовали традиционные методы, пытаясь переложить бремя призыва на бедных и менее удачливых членов общины.

Для сравнения: в январе 1807 г. серпуховское общество, будучи не в состоянии набрать нужное число людей из-за отлучки многих крупных семейств из города, пошло на крайние меры. Для зачисления в милицию было решено освободить должников, отданных в «зажив» кредиторам (эта кабальная практика существовала с 1736 по 1834 г.¹⁵). Община компенсировала владельцам годовой заработок «зажива» — 24 руб. К февралю 1807 г. московский губернатор, получивший большое количество жалоб на решения обществ, разослал строгие указания, что хотя при выборе ратников общества и не обязаны учитывать рекрутскую семейную очередь, однако под страхом наказания нельзя допускать «ущемления», призывая «одиночных и малосемейных», так как это лишит семейства с 1–2 мужчинами кормильцев и разорит их. Недопустимым признавал губернатор и содержание назначенных в ратники мещан под стражей — как «противное» самому духу милиции¹⁶.

Значительные трудности при наборе милиции в 1806–1807 гг. были обусловлены и другими факторами¹⁷. В условиях постоянных

¹⁴ РГИА. Ф. 494. Оп. 1. Д. 74. Л. 21 ; ПСЗ. [Собр. 1]. СПб., 1830. Т. 29. № 22496. С. 1049.

¹⁵ Рындоносский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. С. 50.

¹⁶ ЦГАМ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 106. Л. 71, 87, 90, 98.

¹⁷ Гулевич С. А. История лейб-гвардии Финляндского полка, 1806–1906 гг. СПб., 1906. Ч. 1. С. 18.

войн система назначения в службу решением общины обнаруживала массу недостатков. После 1807 г. правительство предприняло серьезные меры с целью снизить количество конфликтов, апелляций и разного рода задержек при назначениях в общинах, которые вели к срывам поставок рекрутов и ратников.

Прежде всего была кардинально изменена процедура назначения за порочные проступки. В апреле 1808 г. были введены строгие правила для приговоров по обвинениям в пьянстве и иных пороках. Сначала их ввели для казенных крестьян, а 30 сентября 1809 г. они были распространены и на мещанские общества. Примечательно, что появление новых правил было связано именно опытом формирования милиции: в указе от 28 апреля 1808 г. подчеркивалось, что главы общин «при бывшем наборе земского войска обходя богатые и большие семейства, обращали всю тягость повинности на бедных одиноких» и при этом «освобождали из милиции только тех, кои в силах были удовлетворить их корыстолюбие». Отныне приговоры за пороки необходимо было составлять в помещении думы и в присутствии городского головы. Подписаться должны были 24 члена общества, свидетельствовавшие под присягой, что не остается «надежд на исправление» приговариваемого. При этом старосты и иные должностные лица общины не могли входить в число подписывающихся — чтобы они «не могли употреблять во зло власть им присвоенную, и из потворства к богатым, делать мирские приговоры об отдаче в рекруты неочередных <...> взводя на них разные пороки, которым они непричастны». В течение трех дней подписанный приговор должен был отправляться на рассмотрение в Казенную палату, откуда поступал на утверждение гражданскому губернатору¹⁸.

Новые правила оказали положительное действие на практику назначений в общинах. Уже во время рекрутских наборов 1810–1811 гг. думы зафиксировали меньше конфликтов и апелляций на решения мещанских собраний. С 1809–1810 гг. губернаторы Санкт-Петербурга и Москвы почти автоматически направляли жалобы малосемейных мещан обратно в городские думы, требуя пересмотреть приговоры или обосновать решение: мещанам не всегда удавалось доказать, что назначен был действительно неплательщик, пьяница, известный своим дурным поведением. Во многих случаях общество назначало и отправляло других людей. Таким образом, новые указы расширили возможности членов общества защититься от самоуправства¹⁹.

¹⁸ ПСЗ. [Собр. 1]. СПб., 1830. Т. 30. № 22982. С. 201.

¹⁹ Там же. Т. 28. № 21442. С. 504–505.

Конечно, несмотря на это, все еще встречалось немало нарушений. Например, во время срочного набора большого числа ополченцев в 1812 г. Леонтий Белохвастов, павловский мещанин и бывший ратман, засвидетельствовал, как иногда проходили собрания обществ. Белохвастова, возвращавшегося домой, окликнул градской голова, купец Буйлов, зазвавший его в питейный дом. Войдя, Белохвастов увидел компанию людей, которые все «были пьяны, кроме Буйлова, <...> и под штрафами». Собравшиеся начали вымогать у Белохвастова деньги, угрожая сдать в милицию и даже в рекруты. Белохвастов утверждал, что у него есть жена, дети, мать, что он «в платежах всегда исправен», тогда как в общине числилось «довольно неженатых двойников и тройников» (семей с двумя-тремя мужчинами). Лишь с большим трудом ему удалось освободиться²⁰.

Назначение и отправка ополченцев в 1812 г. проходили заметно оперативнее. Манифест об ополчении от 6 июля 1812 г. был получен в городах Санкт-Петербургской губернии в десятых числа июля. В этот раз требовалось гораздо больше ратников, чем в 1807 г. — по одному с каждых десяти мещан. К началу августа общества уже провели по несколько собраний, сформировали списки, экипировали и отправили первые партии людей. Конечно, в 1812 г. сказались многие факторы, в том числе проведенные перед войной реформы в военной и других сферах. Сыграл свою роль и патриотический подъем.

В первое послевоенное десятилетие перемены в практике назначения в службу становятся еще более заметными. Сохранились рекрутские квитанции за мещан, отданных общиной Царского Села в 1817–1841 гг. Практика назначения за «пьянство, неплатежи и распутное поведение» прекратилась к 1820-м годам²¹. Назначение рекрутов все больше стало превращаться в регламентированный и прозрачный для семей процесс.

Военные потрясения начала XIX в. и, в значительной степени, сложности, связанные с первой масштабной мобилизацией — сборами милиции в 1806–1807 гг. — указали правительству на многие важные проблемы. Система назначения в службу приговором общины являлась одним из слабых мест. Она обладала множеством недостатков, которые отчетливее всего проявились при массовом наборе ратников. В частности, было зафиксировано большое число нарушений при назначениях за пьянство, неплатежи и иные пороки. Эти нарушения

²⁰ РГИА. Ф. 1060. Оп. 1. Д. 1057. Л. 2–15.

²¹ Там же. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1152.

были практически неизбежны в системе, где все решения принимались в рамках общины с минимальным контролем со стороны представителей власти. Очевидно, что на разных уровнях — думы и городничие, губернаторы, Военное министерство — знали о нарушениях в общинах. Но в предыдущие годы ситуация оставалась для властей в целом приемлемой. Однако в условиях нараставших с 1805 г. потребностей в людской силе в интересах государства было минимизировать конфликты в общине, снизить количество апелляций и пересмотров приговоров. Появившиеся в 1808–1809 гг. законодательные акты фактически полностью пересмотрели процесс назначения в службу «за порочное поведение», сделав его похожим на судебную процедуру. Положительное воздействие этих мер проявилось уже в 1811–1812 гг.: снизилось число конфликтов, затяжных дел, апелляций в ходе рекрутских наборов. Сбор ополчения в 1812 г. проходил в городах значительно быстрее и проще, чем сбор милиции в 1806–1807 гг. Перемены стали еще более заметными в послевоенные годы. Постепенное ограничение практики отдачи в службу за пороки имело важный прогрессивный характер для развития мещанской общины.